

ДВИНСКИЙ БЕРЕЖОК

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ВЕСТНИК

№53 СЕНТЯБРЬ 2021 ГОДА

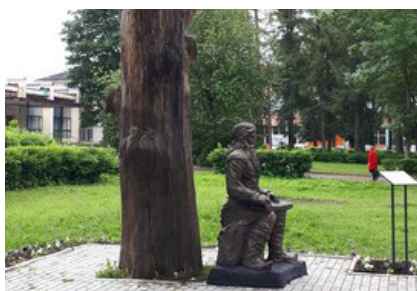
• Памятники Тверской провинции

Рунопевец в Лихославле

Рунопевцы это исполнители рун – древних эпических песен карелов, финнов, эстонцев и других прибалтийско-финских народов. Рунопевцы, как правило, были простыми крестьянами из карел, ижор, ингерманландцев и финнов. Не удивительно, что памятник Карельскому рунопевцу (это произошло в 2017 году) был открыт в Лихославле. Территория этого района, а также ряда других районов Тверской области, исторически сложившиеся места проживания карельского этноса.

Памятник высотой около двух метров (автор Дмитрий Орел) выполнен в виде могучего раскидистого дерева, под которым сидит рунопевец, причем дерево тоже избрано не случайно - оно напоминает о легендарной Сосне Лённрота, росшей некогда на родине карел. Древнее предание гласит, что именно под этой сосной известным финским врачом, ботаником, лингвистом, этнографом и путешественником Элиасом Лённротом (1802-1884) были записаны руны древнего северного эпоса Калевала.

Имя Элиаса Лённрота носит Финно-угорская школа в Петрозаводске. Его именем назван также сквер в центре этого рода, где установлен фонтан в честь героев эпоса «Калевала».

«А НАС УЧИЛИ, ЧТО

РАБЫ – НЕ МЫ!»

Владимир Абдулов,

г. Бежецк

Родился в 1970 году в г.Бежецке. Окончил Санкт-Петербургскую академию аэрокосмического приборостроения. Работал авиационным техником, преподавал в школе. С 1995 по 1997 год проходил воинскую службу на Дальнем востоке в ВКС. Старший лейтенант запаса. Сейчас инженер в ПАО «Ростелеком». Автор-исполнитель. Печатался в коллективных сборниках бежецких поэтов «Солнечные блики», «Не бывает Родина малой...», неоднократно публиковался в альманахе «Сергиев» (Сергиев Посад), в тематических сборниках современной поэзии издательства «Перископ – Волга» (посвященных Высоцкому, Ахматовой и Маяковскому). В 2020 году выпустил первый авторский сборник стихов «Выйти из тени». Постоянный участник Гумилевского фестиваля на бежецкой земле и фестиваля «Солнечные блики» в с. Градницы. Лауреат фестивалей «Посадская лира», «Семья – источник вдохновения».

ПРИЧИНА

Через года все видится, как издали,
И часто удивленье за спиной:
Каким же чудом мы Победу
вырвали
И не согнулись даже через боль?

На голубом глазу болтают разное.
И гадают, как в помойках воронье,
Чтоб позабыли: «А чего мы
празднуем?»,
В учебниках и то уже вранье...

И можно спорить до потерь
сознания,
Но потому таков итог войны:
Что их учили – выше всех
Германия,
А нас учили, что рабы – не мы!

ЖУРАВЛИ

Поредел батальон после первой
воздушной «прополки»,
Много выбил налет, да и так
невеликая рать.
И стучались в висок, как по
брустверу мысли-осколки,
Пригибая нас вниз: «Убивать,
убивать, убивать...»

Над изрытыми взрывами, в черных
провалах, полями
То остатки тумана, то дымной
завесы клубы.
Смерть косою привычно устало
махала над нами
И взлетала земля на дыбы, на
дыбы, на дыбы...

Оттремел артобстрел. Появились
незванные гости.
Все крадучись идут, в полный рост
уж давно не с руки,
И белеют костяшки, сжимая
винтовки от злости,
И звенит тишина: «На штыки, на
штыки, на штыки...»

Из окопа рывком, по земле со
следами ожога.
(окончание на стр. 2).

стр. 1

(начало на стр. 1).

Поглядим кто кого, уже видно
нашивки вблизи.
И бубнит про себя даже тот, кто не
верует в Бога:
«Сохрани и спаси, помоги, сохрани
и спаси...»

Лезет божья коровка куда-то по
тонкому стеблю.
Что-то руки дрожат, из кисета не
взять табака.
Уцелели и ладно. Эх, лечь бы на
тёплую землю
И смотреть не дыша в облака, в
облака, в облака...

На раскисшей грязи вязнут ноги
солдат-санитаров.
Кто-то дальше пошел, кто
склонился, кто пал до земли,
И по небу летят в облаках рядом с
душами в парах
Острым клином домой журавли,
журавли, журавли...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Зря не слушал, дурак дебелый,
Ведь бубнил старшина всегда,
Что в разведку уйти – полдела,
А вернуться – вот это да...

Перелёт, недолет и «вилка».
Пристрелялся минут за пять.
Немец, словно в бинокль, с
ухмылкой
Выбирает, где мне лежать.

Возвращались отяжелело,
Взяли «жирного» языка
И расслабились не по делу.
Засекли нас издалека.

До своих-то всего два шага,
Только шанс так ничтожно мал!
Сели сдуру на дне оврага,
А теперь он ловушкой стал.

Минометчик у них, однако...
Повезло, что кривой вконец,
Только с третьей попытки всяко
Не промажет уже, стервец.

Отсидеться бы тут до ночи
И к своим языка тащить!
Помирать-то никто не хочет,
Да забыли, видать, спросить.

Жахнет рядом – пиши пропало,
Страшно, братцы, хоть волком вой.
Закатились в приямok справа,
Немца сверху прикрыв собой.

Прокатилось «Ура!» от наших,
Словно кто-то в атаку прет.
И, про нас позабыв, закашлял,
Как в истерике, миномет.

А за ним по весенней каше,
Отрабатывая свой шнапс,
«Косторез» пробудился спавший,
Но куда-то все мимо нас.

Подогнали добычу матом,
Перебежками и в окоп.
Ох, спасибо вам всем, ребята!
Береги вас пехотный Бог!

Как по новой помог родиться,
Тот, кто роту поднял вперед,
Разменяв в том бою на фрица
Чуть не целый пехотный взвод.

Нервы струнами до предела...
Прав был все-таки старшина,
Что в разведку уйти – полдела,
А вернуться – как даст война...

* * *

Опять бардак в небесной
канцелярии,
Апрель плюётся снегом и дождем
Уже с утра. А что там будет далее,
И по какой причине, не поймем.

Шумит народ с Москвы до
Простодырова,
Все версии штампуют наугад.
А, может, просто всё: Петров с
Бошировым
Взорвали весь небесный снежный
склад?

ЕСЛИ РАЗЛЕТАЮТСЯ ИСКРЫ

Амону Сулейманову

Если разлетаются искры,
Значит, кто-то хочет согреться.
Значит недостаточно быстро
У него работает сердце.
Если сердцу холодно будет
И оно слегка замерзает,
Рядом появляются люди,
От которых сердце оттает.

Если зажигаются звезды,
Значит, это нужно и важно,
Чтобы через космоса годы
Всем светлее стало однажды.

Если во вселенной так труден
Путь по темноте к эпилогу,
Значит, появляются люди,
Те, что освещают дорогу.

Если улыбается небо,
До того глядевшее строго
Может быть, и мы неумело
Тоже улыбнемся немного.
Если мы сомненьями губим
Мир, и так достаточно зыбкий,
Рядом появляются люди
Те, что мир спасают улыбкой.

Если жизнь становится серой,
Равнодушной, скучно обычной,
Место за надеждой и верой
В ней, увы, пустует привычно.
Если нет и шанса на чудо
И в груди щемит пустотою,
Рядом появляются люди,
Что живут с открытой душой...

ЗА НЕИМЕНИЕМ ГЕРБОВОЙ

За неимением гербовой пишем
теперь на простой.
Скоро, глядишь, не спеша
доползем до папируса,
Там и таблички из глины не за
горой.

Да и зачем нам учиться после
коронавируса?
Скажите, кому теперь нужно уметь
считать и писать?
Тут выросли новые гении
потребления.

Нет, чтоб работать, насочиняют
опять
О бомбах, заложенных Сталиным
или Лениным.
И даже думать теперь не надо,
надо ответ скорей
Найти, ковыряясь, как крот в
сетевом наследии.
Толпы обученных новым способом
тлей

И жить будут так, как написано в
Википедии.
Вы сами попробуйте: в зеркало
гляньте хотя бы раз,
Да посмотрите в лицо своего
поколения.
Скоро дышать придется уже через
раз,
А уж просто задуматься...
В общем, есть сомнения...

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 52 (август)).

Письмо сорок девятое

ПОМНИШЬ, в арии Германа из «Пиковой дамы» есть слова: «Что верно? Смерть одна, как берег моря суеты». Да, всех нас рано или поздно прибудет к этому берегу. Всех без исключения, и нищего, и президента. И все об этом знают. И это единственное, что гарантировано абсолютно всем, во все века. Но жалкая человеческая мысль во все времена тужится найти какой-то эликсир бессмертия, т. е. нарушить абсолютный баланс. Ну, в конце концов, каждый волен тешиться чем может по дороге на кладбище... Жалко мне всех этих ученых. Несчастные, гоняющиеся за иллюзией. Ну, заселят они всю землю своими «вечными жидами», и что? Разве пример Агасфера не дан Господом в назидание всему миру?

Смерть ждет всех! Всегда! Это главное событие на земле, к которому мы все так стремимся. Это надо очень глубоко понять и только исходя из этого строить свою жизнь. Каждый свой шаг необходимо увязать с этим событием. Только тогда мы и осознаем цену жизни, ее смысл, и обречем свое счастье. Вся мировая мудрость учит нас: «Помни о смерти!».

Она придет в свой, заранее

определенный Господом час. А мы все бегаем по полигону, на котором идут боевые стрельбы, ловим рыбку, устраиваем пикники, давно уже не замечая взрывов и стараясь любой ценой не думать о финале...

Смерть для неверующих – это пугающее исчезновение. Для верующих – переход в иной, лучший мир. Вот именно подготовка к переходу этого рубежа и наполняет смыслом нашу жизнь. И это первое, что нужно объяснять ребенку.

Надо однажды побыть (не взглянуть мельком, а побыть) в атмосфере человеческого горя, нищеты, беспомощности, чтобы понять цену жизни, а потом все свои душевные и физические силы направить на сегодняшнюю помощь ближнему. Время-то уходит сегодня. Вчера уже было, завтра, возможно, еще будет, а есть только сегодня. Вот сегодня и нужно помогать своим родителям, детям, ближним.

В этом мире правят деньги, торговля, ростовщичество и корпоративные интересы, и они, а не человеческий фактор, решают – будет ли очередная война или перестройка.

Если в нашу больницу привезут тяжелобольного человека, то лечить его начнут только после того, как он купит лекарства. В больнице их просто нет. Операцию умирающему ребенку не сделают, пока мать не обегает все инстанции, фонды, комитеты и ценой своей крови не добудет эту проклятую тысячу долларов. Это что, светлое будущее? Первые признаки расцвета цивилизации? По-моему, это апофеоз сволочизма и потери совести. Наша медицина в компании с «гуманистом» Брынцаловым набирает потенциал могильщика «светлого будущего».

Смертность растет, рождаемость падает, нарастает вал дегенеративных детей, детоубийцы

за деньги делают аборт, а «скорая помощь» не едет к людям старше 65 лет, а то и моложе...

Можно, конечно, помогать Индонезии, Малайзии, но не правильнее ли все силы МЧС направить прежде всего на решение своих проблем?

Почему раньше сельский фельдшер пешком обходил весь свой участок в несколько деревень (ну, Чехов это на дрожжах делал), а современная медсестра без машины ни шагу? Мы ее месяцами не видим. Еще совсем недавно участковый врач в распахнутом пальто бежал со стетоскопом на шее от одного больного к другому, его все знали, кланялись и, не преувеличу, – любили.

А учителя? Все упирается в че-ло-ве-ка. Без человеческих качеств любви и добра и учитель, и врач будут копать могилу своим ученикам и пациентам. Пока что и наша медицина, и образование как-то держатся на старой школе, на старой закваске, а впереди-то... Никакой надежды.

А с землей что? Все законы издаются теми, кто никогда и ни за что не будет работать на земле, но они ею распоряжаются. Отними право на землю, недра, леса, море у кучки спекулянтов, и все замрет. Все эти перестройки и «апельсиновые» революции.

Очень хорошо сказал А. Солодовников в стихотворении «Смотря на детей»:

Зачем не собрал я богатства другие? Сокровища сердца – они б не иссякли. Ведь целую жизнь я бессмысленно строил Удобное кресло к финалу спектакля.

Одна миллиардерша, умирая, вцепилась в свое самое дорогое платье мертвой хваткой, да

(окончание на стр. 4).

(начало на стр. 3).

так и умерла. Ее руку потом еле разжали... «О времена, о нравы!».

Последние минуты в этом мире, если они не итог правильно прожитой жизни – есть мучение, ненависть, пустота, зависть и отчаяние от ощущения брошенности всеми. Никого тут не нужно обвинять, ни школу, ни страну, ни строй. Только самого себя. Всегда только себя. Только себя! Если ты отдал своего ребенка на воспитание обществу – не жалуйся, а сделай все, чтобы он стал достойным человеком, твоим родным, а не общественным. И главное, во всяком воспитании должно быть то, что заповедал нам Господь: «Любите друг друга». Но именно эту заповедь никто никогда не исполняет, кроме святых, разумеется. Иначе на земле давно был бы рай. Давно и безо всяких

реформ. Но люди обходят эти заповеди любой ценой. Болтают, пишут романы, откупаются благотворительностью и т. д., но сами – ни-ни!

Вот когда хохловские, березовские, абрамовичи, брынцаловы, гусинские отдадут все до копейки людям, а себе оставят только на «хлеб насущный», тогда жизнь у нас начнет налаживаться. Когда исчезнет роскошь как постоянный источник зависти, ненависти и гибели – можно будет поговорить и об устройении мира,

А пока человек будет равнодушно смотреть на чужую беду у себя перед глазами, ничего в мире не изменится. Никогда! А срок-то у всех ограничен.

Есть единственный путь, его указал нам Спаситель, но и Он знал, что будет за это распят, а народ, наученный идеологами, пред-

почтет Ему вора Варраву. Но Он был! И все нам объяснил. А человек-то, не желая отказываться от пороков, служить ближнему, желает, однако, заполучить все «блага».

Это как все с той же смертью. Все знают, что она неизбежна и всеильна, но делают вид, будто ее и нет. Или она где-то в далеком тумане... До первого визга тормозов или сирены «скорой помощи».

Я думаю, что каждый русский человек должен именно в этом направлении искать ответы на все свои вопросы. Ведь именно этому нас и учит не первую тысячу лет наша Святая Православная Церковь. А от добра – добра не ищут. До встречи.

*Твой Д.ВЛ.,
Пеновский район,
май 2005*

Память, сохраненная в стихах

По сообщению пресс-центра администрации области, в музее у Ржевского мемориала Советскому солдату наградили победителей всероссийского конкурса видеороликов «Память, сохраненная в стихах», посвященного 75-летию стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом». Всего на конкурс поступило около 250 работ из Москвы, Тверской, Воронежской, Тамбовской, Белго-

родской, Ярославской, Псковской, Орловской, Ленинградской, Ростовской, Нижегородской, Владимирской и других областей. Участников оценивало профессиональное жюри, в том числе скульптор Ржевского мемориала Советскому солдату, член Московского союза художников Андрей Коробцов, представители Музея Победы и другие эксперты. Все они отметили высокий уровень конкурсных работ.

Лучшими были признаны работы студентов из Москвы и Воронежа Данила Назарова и Александра

Сафонова, а также школьницы из Лесной школы Дарины Кузюк, которая представила проект, выполненный совместно с юнармейским отрядом «Алые береты» им. Героя Чесменского сражения Д.С. Ильина.

Также определены победители и призеры в различных номинациях. В номинации «За артистизм» лучшей признана школьница Анна Полякова из Тамбовской области; «За вдохновенность и эмоциональность» – сводный юнармейский отряд «Сириус» им. А.П. Маресьева из Твери; «За искренность исполнения» – школьники Большекошинской школы Селижаровского района Тверской области; «За трогательное и проникновенное исполнение» – ученик московской школы им. К.А. Керимова Федор Казаков; «За патристичность исполнения» – школьник из Москвы Дмитрий Бортник.

После церемонии награждения ребята возложили цветы к подножию мемориала Советскому солдату и побывали на обзорной экскурсии по Ржеву.

Валерий Кириллов:

«МЫ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ ЖИВЕМ...»

Скромный дом на берегу Западной Двины внешне ничем не выделяется от соседних домов. Внутри же поражает обилием картин известных тверских художников и книг. С начала 2000-х Валерий Кириллов и его супруга Вера Николаевна в основном живут в Андреаполе, на родине писателя, хотя квартира у них в Твери. Там дети, внуки, другие родственники. А еще там – друзья и недруги, которые, конечно же, не могут не помнить опального Кириллова. Двадцать с лишним лет он возглавлял газеты «Смена» и «Калининская правда», был народным депутатом России. Но серия публикаций писателя о чиновниках-коррупционерах, его антиглобалистская пьеса-фарс «Затмение» привели к тому, что Валерий Кириллов, как и его первый заместитель писатель Михаил Петров, были в начале 2001 года изгнаны из газеты.

– Кстати, почему именно «Затмение»? Какой смысл в названии?

– Смысл в том, что над Россией в 90-е годы опустилось затмение безвременья. В нем правили бал люди, поставившие целью разграбление страны, личное обогащение. Кадровая политика в России в значительной мере определялась извне. Помнится, мой друг полковник в отставке Александр Ключков сказал: «Тебя не губернатор Платов уволил, тебя цэрэушники и «пятая колонна» убрали». Бывалый разведчик, прошедший Афган командиром батальона спецназа ГРУ, знал, что говорил. Ставка делалась на людей, имеющих основания быть недовольными советской властью. К примеру, одним из кураторов возглавляемой мною «Тверской жизни» был в ранге заместителя губернатора сын обервахмана охранных войск СС, другой близкий родственник этого чиновника служил полицаем. Могу и другие примеры привести...

– Ты не боишься столь открыто говорить об этом?

– Чего бояться? Мы на своей земле живем, на русской. Да и многое изменилось с тех пор в России.

– Сколько тебе было, когда расстался с газетой?

– Мне шел пятьдесят пятый год. На работу никуда не брали. Даже в университете, где студенты отделения журналистики филфака защищали дипломы по моему творчеству, не дали ни одного лекционного часа. Ладно бы, дело касалось только меня. Супругу вызвал руководитель областного департамента образования: «Мне приказано от вас избавиться». «Виновата» она, опытный педагог, отличник образования России, помимо моей «неуправляемости», была еще и тем, что не «пускала» в школы области антироссийский учебник истории Кредера.

– Изданный на деньги Сороса?

– Да, соросовское изделие для искривления русских мозгов... Все-таки ей позволили доработать восемь месяцев до пенсии. Непросто пришлось и нашим детям. Впрочем, дело уже прошлое.

– Как жилось при пятилетней безработице?

– Андреаполь спас, дом родной, к тому времени осиротевший: отец и мать умерли. Приехал почти без денег, взялся старые хозяйственные постройки разби-

рать, картошку посадил на огороде. Земляки помогали, друзья. Пером кое-что зарабатывал. Потом супруга вышла на пенсию, перебралась в Андреаполь. Кур развели. Варенья, солений заготавливаем в достатке. Земля, лес, озеро – спасение для русского человека.

– Ты по-прежнему в замечательной творческой форме. С интересом читаю твои статьи, очерки, рассказы в «Советской России», на портале «Русская Народная Линия».

– Печатают, спасибо. Так-то, в Твери печататься особо негде.

– И книги издаешь.

– Издаю, да... Благодаря добрым людям. Недавно вышли из печати избранные очерки «И душа с душою говорит». О подвижниках, которые встретились мне на жизненном пути.

– В твоём творчестве сочетается доказательная жесткость в публицистике и тонкий лиризм, глубокое проникновение в человеческие характеры в художественной прозе.

(продолжение на стр. 6).

(начало на стр. 5).

Прочту отклики на твои рассказы, помещенные на сайте «Союза писателей России»: «Как же хорошо написано – ярко, от души, играет слово всеми красками меж людьми, они людьми и остаются. Да, всё же сердце России в глубинке. Там не только чистый воздух, и люди чище, проще, яснее...»

– Русский характер соткан из крайностей...

– *Еще я бы выделил свойственное нам, русским, понятие правды. Но не как истины, а, скорее, как справедливости. Причем справедливость эта вытекает из чувства совестливости.*

– Совершенно верно: перед законом, может быть, ты и виновен, но куда важнее быть чистым перед совестью... Свободу же русский человек воспринимает скорее как волю, вольницу. Этим мы существенно отличаемся от жителей Запада. Там расчетливость, прагматизм, жестко регулируемые римским правом, играют доминирующую роль.

– *Когда прочел твой роман «Не сошедшие с круга», поразила масштабность твоего взгляда на то, что происходило в первый военный год на нашей калининской земле. Художественная вещь, но на богатейшей документальной основе, касающейся судеб 22-й и 29-й армий, и не только их.*

– Тут не одна моя заслуга. По документальной части сильно помог замечательный краевед, полковник в отставке Владимир Иванович Горбачев. Он в Пензе живет.

– *Страшно читать отдельные эпизоды. Например, как свои же расстреливали легендарного героя обороны Великих Лук комдива 48-й танковой дивизии Дмитрия Яковлевича Яковлева.*

– Во многом благодаря его дивизии наши войска больше месяца держали раздражавший фашистов «великолукский выступ». В 1956

году Яковлева реабилитировали. Можно было бы отыскать место, где он похоронен, точнее – закопан в яме. В урочище, недалеко от Андреополя, это произошло. Судьба всего высшего командного состава 22-й армии драматична. Бывший командарм Филипп Афанасьевич Ершаков, командуя уже 20 армией, попадет под Вязьмой в плен. Умрет летом 1942 года в лагере Хаммельбург. Командир одного из корпусов, уже в другом качестве, тоже через несколько месяцев окажется в плену – там же, в Хаммельбурге. Командир второго корпуса пропадет бесследно под Великими Луками. Немцы тогда ударили в стык 22-й 29-й армий. А Яковлев... да, его расстреляли по приговору трибунала. Не погнал оставшихся без танков своих танкистов у станции Назимово на немецкие танки. Приказ не выполнил. Когда я напечатал очерк о нем в «Советской России», мне звонил из Харькова его сын, врач по профессии. Плача, сказал: «Молюсь за вас...»

– *Поразительная история немецкого офицера. Мальчишки весной находят его труп, в гимнастерке документы и фото матери...*

– Да... Они приносят документы и фото в деревню, бригадир Федор Иванов узнает в немке на фото свою возлюбленную и понимает: немецкий офицер – его сын. Он, Федор-то, в немецком плену находился шесть лет в Первую мировую войну. Тоже документальная подоплека имела. Однажды мне рассказали: когда немцы в январе сорок второго отступали от Пено, в деревню Величково к Даниле Сухорукову явился его обмороженный сын. Поговорили по-немецки о чем-то, и он быстро ушел. Мороз за тридцать, а они прибыли из Франции в легких шинелях. Из трех тысяч человек в Торопец вышли около сорока. Замерзали на льду Западной Двины, в урочище Волчьи Ямы... Ну, я, конечно, домыслил эту историю. В романе Федор тайком хо-

ронит своего немецкого сына.

– *Еще одна канва впечатлила... Приезжает журналист немецкой военной газеты, находит учительницу Чельшевскую, еврейку по национальности, видит на стене ее дома фото девушки и понимает: это его сестра по отцу. Она в это время находится в составе нашей спецгруппы в тылу врага, радистка...*

– Тоже вымысел. Но с долей достоверности. Записал как-то историю о том, что управляющим у местного фабриканта был немец, с ним жил его маленький сын, а жена осталась в Германии. У него роман был с сельской учительницей. До этого к ней приезжал ее бывший коллега, тоже учитель, ставший офицером царской армии. Деревенские думали, что сын от него, а он был от немца. Она скрывала. Офицер царский – тоже не совсем вымышленный. Прототипом стал мой двоюродный дядя – бывший сельский учитель, штабс-капитан царской армии. Он потом в Красной Армии служил.

– *Трагичен образ старика Дорофея Дорофеевича. Он люто и тайно ненавидит советскую власть, готовит для немцев расстрельный список активистов, рисует на воротах немецкую свастику. Но жена, дети у него иные. Дочь – подпольщица, работает в немецкой комендатуре, сын отказывается служить немцам. Его, при побеге, убивают, а Дорофей Дорофеевич – он был конюхом комендатуры, вешается в хлеву.*

– Не на пустом месте родился образ.

– *А судьба трех братьев Зволяревых, основных героев, вымышленная?*

– Не совсем так. Старшего, партизана, я частично списал со своего отца. Отец партизанил, принципиален был, тверд характером. До конца жизни с исключительным уважением относился к Сталину.

(продолжение на стр. 7).

(начало на стр. 5-6).

– Два брата выживут. Один, средний, умирает рядом с деревней по дороге из госпиталя.

– Увидев, как мужики косят утром у родной деревни, попросил косу – так захотелось ему крестьянской работы, а было нельзя. У него осколок возле сердца сидел. Во время косьбы и умер, не успев повидать мать. Мне житель деревни Соболево Василий Терентьев рассказал, как его брат, с осколком возле сердца, умер по дороге с медкомиссии в деревню. Отсюда родился заключительный эпизод.

– Думаю, если снять по роману сериал, увлекательный и патристичный он мог бы получиться.

– Сейчас другие сериалы снимают. Меня один писатель укоряет: «Роман твой не в формате. У тебя о Сталине четырнадцать глав...» Но есть «формат» и есть историческая правда. Сталин – выдающаяся фигура. Трагическая, противоречивая, но выдающаяся. Если бы не он, мы бы с тобой сейчас не беседовали. И воровать чужайсоидам было бы нечего. К сожалению, антисоветчина все еще ощутима. Сотрудников НКВД негодяями показывают, весь советский период обливают грязью. Между прочим, Черчилль – умный был, он сказал: «Страна, которая борется со своим прошлым, не имеет будущего»...

– За это премии дают.

– Ну да... Матрица была такая заложена еще в 90-е. Прилепину за «Обитель» дали, и не одну. Фильм по ней сняли. Он вообще весь в премиях, Захар Прилепин. Каких только восторженных эпитетов для раскрутки ему не прилепили. Даже «выдающегося философа». Затем в политику двинули.

– Практически в одно время с романом «Не сошедшие с круга» вышла твоя дневниковая проза «Почвенники и отчужденцы». Сколько лет ведешь дневники? По-моему, лет тридцать...

– С 1989 года. Когда почув-

ствовал значимость разворачивающихся событий. «Советская Россия» печатает их новые циклы под рубрикой «Взгляд из русской провинции». На портале «Русская Народная Линия» появились публикации... Еще третье издание книги по истории партизанского движения в Калининской области вышло не так давно. Несколько лет потратил. Одних фотографий в книге свыше четырехсот пятидесяти. Детям, внукам партизан и подпольщиков ее раздарил. А власти, как и предполагал, это не нужно. У нее свое понимание патриотизма.

– Судьба твоя могла сложиться и по-иному?

– Могла. Когда народным депутатом России был, предлагали должности в ельцинском окружении. Отказался. Понял, что за гнилая публика вокруг Ельцина крутится. Начали с того, что землю превратили в товар. А земля для русского человека – святое. Не зря он ее матушкой, кормилицей называет.

– По жизни, наверное, со многими интересными людьми встречаться довелось. Писателями, политиками...

– Встречался, конечно. С Борисом Полевым, Иваном Васильевым – он предисловие к моей первой книге написал, Владимиром Солоухиным, Борисом Мож-

евым, Николаем Старшиновым, Михаилом Алексеевым, Татьяной Глушковой, Булатом Окуджавой...

– С Андреем Дементьевым был хорошо знаком...

– Был, еще со времен журналистской молодости, но потом наступило полное отчуждение. У него тяга к славе ощущалась непомерная. Помню, Ассоциацию тверских землячеств он возглавил. Тверские некоторые, не подумав, стали в нее вступать. Вроде как мы на своей земле уже и не хозяева. А если не мы, то кто? Я статью написал «Хозяева или постояльцы?», напечатал в «Тверской газете». Дементьев, естественно, возмутился. Владимир Сергеевич Бушин меня крепко защитил своей публикацией. Он, к слову, невысоко ставил Дементьева как поэта.

– А как ты оцениваешь творчество Дементьева?

– Андрей Дементьев проявил себя как хороший поэт-песенник, но не как выдающийся русский классик, каким его пытаются представить. При открытии Дома поэзии Андрея Дементьева либеральная пресса писала: «Тверь превращается в столицу мировой поэзии».

(продолжение на стр. 8).

(начало на стр. 5-7).

Ничего подобного не произошло. Тверская поэзия в глубоком кризисе. Где имена, равные Николаю Тряпкину, Владимиру Соколову, Александру Гевелингу, Константину Рябенкову, Владимиру Соловьеву, Галине Безруковой? В основном на поверхности мелкие тщеславные фигуры, не способные понять, что поэт в России всегда был «больше, чем поэт». Их, этих ребят, общество потребления породило. Это не столько их вина, сколько беда наша. Читаешь творения иных молодых – до сути не добраться. А что говорил святой Амвросий Оптинский: «Где просто, там и ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного»...

– *Согласен, нам недостает чистой, умной, равнодушной, по-настоящему русской поэзии, какой она была... Кто из современных поэтов, писателей тебе ближе?*

– В поэзии Валентин Сорокин, Юнна Мориц, Леонид Корнилов... Ещё пару-тройку фамилий могу назвать. Тебя в том числе. В художественной прозе... затрудняюсь ответить. Разве что Личутин. Самобытный писатель. В публицистике несколько сильных фигур: Александр Фролов, Светлана Замлелова, Лидия Сычева, Александр Бобров...

– *Бушин сильный публицист был...*

– С перехлестом порой, но – сильный. Эрудит большой в русской литературе. Мы с ним переписывались. Один раз повздорили из-за оценки Прилепина. Он Прилепиным вначале очаровался. Потом, как я понял, разобрался Владимир Сергеевич, что к чему. Прилепин – такой же изобретенный «проект», как, скажем, Бояков. Не зря они в паре уничтожают традиции русского классического театра во МХАТе имени Горького. Прикрываются православием, патриотизмом, а суть-то бесовская проглядывает.

– *И с Владимиром Путиным,*

насколько я знаю, встречался?

– Ну, не напрямую... Он на первый срок собирался избираться, и в Кремль на встречу с ним пригласили группу опытных региональных редакторов. Записывать было не рекомендовано, но я записал. Помню, Путин откровенно сказал: «Не знаю, сколько мне дадут поработать, но первое, что хочу сделать – прекратить войну в Чечне». Перед коллективным фотографированием я подарил ему две своих книги, а когда фотографировать стали, оказался рядом с ним. Меня в это время уже собирались с работы выгонять как «неуправляемого». Ну, решил, проверю чиновников на вшивость. Печатаю в очередном номере «Тверской жизни» фото, где я рядом с Путиным. Наутро звонит перепуганный помощник губернатора, предлагает встретиться, чтобы строить отношения в «новом формате». Дал ему отказ. В ту пору уже остро чувствовал свою несовместимость с «новой элитой».

– *Как оцениваешь Путина?*

– Он – умный, я бы сказал – проницательный. Как опытный чекист и политик, понимает: слова порой нужны для того, чтобы скрывать свои мысли. Успел перевооружить армию. Теперь, думаю, Россию не сомнут. Побоятся. Возвращение Крыма в состав России обеспечил. В стратегическом плане это крайне важно. Иначе там американцы прописались бы... Критика – в моих статьях. Недавно Геннадий Зюганов выступал на съезде: много справедливого произнес. Правда, критиковать – одно, а вот критику воплотить в жизнь – другое. Слишком глубоко Россия заглохла наживки глобализма. Ещё с ельцинских пор. Но критиковать надо. Маловато сегодня критикующих, все больше карьеристов.

– *Крупный бизнес в России сегодня преимущественно сырьевой и финансово-спекулятивный. Ему наплевать на народную жизнь, во главе угла – прибыль и*

только прибыль, он не заинтересован в укреплении так называемого «среднего класса», живет по своим эгоистическим законам.

– Да, это, к сожалению, так. Менеджеры получают огромные зарплаты, у них, наряду с государственными пенсиями, еще и пенсии ведомственные, кратно превосходящие государственные. Это не афишируется, но, например, в Газпроме, лицемерно называемом «народным достоянием», у менеджера среднего звена ведомственная пенсия более ста тысяч рублей в месяц. Сырьевики и банкиры заинтересованы в том, чтобы сохранить свои позиции и свое монопольное влияние на формирование «властной вертикали». Это привело к образованию криминально-бюрократических кланов, местнического феодализма. Какова цель кланов? Использовать государственный механизм в своих интересах, что зачастую и происходит. Чиновничество отгородилось от народа турникетами, общается с ним не напрямую, а через пресс-группы и управления по информационной политике. Государственные СМИ «ходят по струнке», частные подмяты кланами. Такова она, теперешняя «свобода слова».

– *Газет, которыми ты руководил уже нет. Не жалко их?*

– «Тверскую жизнь» надо было сохранить. Ее история неразрывно связана с историей области. А погубило ее желание угодить власти. Понимаешь, стоящую газету нельзя делать с дрожащими коленками. Нужно иметь убеждения, позицию. Но когда вместо убеждений у редакторов на уме «бабки», держание за кресло, исход очевиден.

– *Что такое, по-твоему, патриотизм?*

– Где-то, не помню где, мне встретила мысль: патриотизм – это когда интересы личности совпадают с интересами государства. Я не отождествляю патриотизм с властью, каким-либо конкретным

(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 5-8).

лицом. Лидеры меняются... Верность, преданность Родине – важнее всего. В простом народе это развито и сейчас, а «элитка» изначально поглядывает на Запад. Там у нее запасные аэродромы, у всех этих чубайсов, грефов, потаниных, прочих.

– Твое понимание счастья?

– Ну... это сложный вопрос... У каждого – оно свое. Лев Николаевич Толстой считал: «Счастье – это твое сбывшееся ожидание удовольствия». Но я думаю, чем больше у человека ожидания удовольствия, тем больше и разочарований. Надо стремиться жить по нравственной норме, а это очень непросто. Все мы, в той или иной мере, греховны, и Господь каждому судия.

– На твой взгляд, чего в современной России особенно не хватает?

– Индустриализации провинции и социальной справедливости. В первую очередь, это способно дать людям веру в будущее, вытащить Россию из демографической ямы, в которую ее загнал либерализм. России нужен новый экономический, социальный курс. Все разговоры о том, что у нас «социальное государство» – популизм чистой воды, у нас катастрофически разделенное государство.

– Политика все-таки тебя обошла. Являешься одним из учредителей Тверского регионального отделения Международного общественного движения «Русское Собрание». Да и публицистика, согласишься, тоже политика?

– Это своего рода «дальнобойная артиллерия» в журналистике.

Беседовал писатель

Геннадий Сазонов,
Вологда – Андреаполь

На снимках: Валерий Кириллов на родном берегу Западной Двины; Валерий Кириллов после получения премии «Слово к народу» с поэтом и публицистом Александром Бобровым. Москва. 2011 г.

Итоги конкурса в честь чудотворца

В Калязине подведены итоги областного дистанционного конкурса детского изобразительного творчества «Преподобный Макарий Калязинский – чудотворец Тверской земли». Награды победители и призёры получили из рук губернатора И.М. Рудени и архиереев Русской православной церкви. Конкурс проходил по двум номинациям «Живопись» и «Графика». В нём приняли участие воспитанники художественных отделений детских школ искусств, образовательных организаций и культурно-досуговых учреждений Тверской области. В своих работах дети отображали важнейшие события отечественной истории, связанные с именем тверского святого..

Победителями в номинации «Живопись» стали Мариелла Кобалия, ученица детской школы искусств Спировского района; Софья Кузнецова, учащаяся Кашинского дома детского творчества, Елизавета Губанова, ученица Калязинской художественной школы. «Я рисовала Макария Калязинского и разорённый монастырь. Очень

интересно было рисовать. Читала книги, много нам в школе рассказывают об этом святом. Из этого и сложилась моя работа», — рассказывала Елизавета Губанова.

Также в номинации «Живопись» отмечены работы ещё шести детей. Это Елизавета Белоус, которая обучается в Кашинском доме детского творчества; Елизавета Данилова, ученица Нерльской средней образовательной школы Калязинского района; Мария Ковалева, воспитанница образцовой студии изобразительного искусства «Зебра» города Твери; Ульяна Козлова, ученица Калязинской художественной школы; Герман Орлов, ученик Пестриковской СОШ Кашинского городского округа; Александра Савельева, ученица детской школы искусств Спировского района.

Призером конкурса в номинации «Графика» признана Анастасия Бубнова, ученица Конаковской детской школы искусств.

Н. Потураев

«ЛАСКОВЫЙ ШЁПОТ ДУШИ...»

Женский взгляд поэта Маргариты Петровой

НОВАЯ книга Маргариты Петровой* открывается стихотворением «В колыбели тихой родины» – с явной и, вероятно, даже подчёркнутой отсылкой к Николаю Рубцову; однако сразу же чувствуется и собственный голос поэта, идущего «на поводке мечты хрустальной». Парадокс и оксюморон одновременно...

Лирическая героиня её стихотворений – женщина с большим жизненным опытом. Звучит обыденно, даже банально, но опыт этот вместил в себя не только груз минувших лет, но и в первую очередь – любовь к существующему миру, которая проступает и во внутреннем тепле-доверительных искренних строк, и в тонких флюидах доброты и нежности на фоне выразительного задора, насыщаемого торжеством бытия:

Но начат день, хоть с пульсом нету
И время норовит лягнуть под дых,
Живящую весеннюю прохладу
Мы чувствуем острее молодых.

Расцвел денёк, и расходились кости,
Опять в строю – Вселенная, держись!
Сирень благоухает на погосте,
Мы пьём взахлёб искрящуюся жизнь.

Поэт жаждет «тихого счастья», восхищается «тихими радостями зимней поры». Но речь-то идёт не о глухой замкнутости в башне из слоновой кости, не о погружении в духовный вакуум – без мыслей и эмоций. М. Петрова твёрдо помнит, что «мы Россия», и её думы, воплощаемые в слове, прежде всего о ней: «В душе – исконная основа, // преодоления дух единый...». Появляется устойчивый мотив не столько противостоя-

ния, сколько экзистенциального-самостояния: «Нам напоминание: иллюзорна жизнь. // Вот рука, хватайся и преданней держись».

Поддаётся ли разгадке гендерный феномен поэзии Маргариты Петровой, иначе говоря, возможно ли понять, как в ней воплощается и становится явным чисто женское начало? Она внимательна, словно изучает одиночество женщины, которая пытается его погасить, заполнить образовавшуюся вокруг себя пустоту обретением покоя и стремлением научиться жить по-новому:

*В наполненной сумятицей ночи
У ангелов я выпрошу покой
Обетом, покаянною строкой:
Амуров избегать, как саранчи...
Но без тебя жить дальше научи.*

Тонок и интересен психологический поворот, когда лирическая героиня смотрит на одиночество глазами мужчины, не доверяющего больше женщине:

*В скупой уют мужицкого жилья
Закрыта настороженная дверца.
Страшитесь вы предательства,
жужья,
А пуще – распахнувшегося сердца.*

И, наконец, приоткрывается тайна женской души:
Неизлечимый вирус нежности
Незримо дремлет в женском теле.
И даже в пору стылой снежности
Взмывают бурные недели. <...>

*И в две недели будет выпита
Желаний чувственная брага,
А нежность в уголок до вылета
Приткнётся как хмельной бродяга.*

Или она явлена в этом катрене:

Если я тебя тотчас не приласкаю,
У меня засохнет сердце. Схватит с
краю,
Как листок сухой, его бродячий ветер
И оставит бессердечной жить на
свете...

Хотя... Пока это лишь две грани женского взгляда. Остальные представлены наиболее ярко в разделе «Всё тот же стрёмный день сурка», удивляющим эдакой смесью удалой иронии, умудрённой прозаичности, привлекательной прямоты:

Ем без тебя голубцы,
Вкусные, но в одиночку –
Горше, чем с евнухом ночка
(что вы смеётесь, глупцы?!).

Лёгкий эпатаж сменяется философскими набросками, в которых проскальзывает надежда на обретение жизненной опоры, коей может стать и одинокий сосед, постаревший, но оставшийся Мужчиной:

Ну да, – морщины, присогнуло спину,
и трость в руке, какая ерунда.
Ведь шарм и твердый дух в тебе не
сгинул
от невезух, осечек, неудач.

Обрести твёрдую почву под ногами помогают и маленькие радости, и мелочи быта, и повседневные полезные заботы... Постоянное возвращение к «домашней

(окончание на стр. 11).

(начало на стр. 10).

пристани... спокойной, праведной и искренней»...Открытие красоты рядом с собой, наслаждение вслушивания в «ласковый шёпот души»...И ожидание весны, символизирующей обновление,— в первую очередь материальное, осязаемое всеми видами чувств, будящее желание хоть что-то изменить к лучшему возле себя: «Подснежниковым станет небо к полудню — // Подсиненным, как свежее бельё, // В листве представишь ветку дуба голую // И перемыт захочется жильё».

Живописание природы в её вечной сменяемости, в многоликости четырёх времён года — старейшая, столбовая, неумирающая уже четвёртый век традиция русской лирики. М. Петрова продолжает культивировать её фетовскую ветвь — создание «пейзажей души», органично сочетая детали природы с медитативными всплесками переживаний:

*Белую улицей тихо пройдуся.
Нет ни тревоги, ни серости в ней,
словно закрыли театр теней.
Гримом серебряным выюжится
грусть.
Грусть-благодарность за то, что
идти
по белоснежному можешь пути.*

Порою этот спектр лирики наполнен туманами и дождями, стирающими границы между предметами; картины города, интерьеры, восприятие действительности теряют чёткость очертаний, расплываются, приобретают зыбкость: «В полуяви, в полудрёме // Было, нет ли — не пойму: // Печка, ночь в знакомом доме, // Ёлка в радужном дыму». Так зарождается и усиливается поэтика перехода от одного состояния к другому — и в природе, и в человеке, благодаря чему художественно реализуется самораскрытие личности — в переплетении минора и мажора:

*От ласточки на проводах
Веет покоем и волей.
Хочется в ясное поле
Тем, кто живёт в городах.
А бесприютным и сирым
Чудится тихая пристань,*

*Женщина с ликом чистым
И единенье с миром.*

Заметно стремление автора к красочной, выпуклой индивидуальной пейзажной образности: ветерок не только «лиственной шуршит», но и «убеждает, тихо молит, // Иве кудри ворошит»; люди купаются «в зыбком теле реки»; февральское утро — «нежно-розовое»; «таинственная графика ветвей», «сероцветье ноября», снежиры «словно капельки зари», «время, цензор ловкий». Удачна интертекстуальная игра: «Трое суток рифмовала, // Мышь сбежала из подвала // И повесилась в «Stinole», // Нет ей дней уж светлых боле» («Хармсология»).

Правда, поэту не всегда удаётся преодолеть соблазн вычурности: «Только вечер апрелистый розовый // Вылил на небо клюквенный морс...». Впрочем, допустимо считать подобные огрехи частностями, элементами поиска.

Образ Луны придаёт многим стихотворениям мечтательный флёр, разворачиваясь в целую ассоциативную цепочку. Луна в поэзии — многомерный символ с мистическим, любовным, магнетическим наполнением; символ тёмной страсти и печальной красоты, беззаботности и величавости — перечень далеко не полон. Квинтэссенция лунности в книге М. Петровой, думается, не столько в предвкушении чего-то чудесного, находящегося за гранью естественного-привычного, сколько в размашистой амплитуде чувств — от печали и тревоги до восторга и озорства, сливающейся в ощущении полёта.

Романтическая, интимная сторона её лирики не отменяет сильных гражданских мотивов. Знаковая в данном отношении — острополемиическая, с редким философско-биологическим сарказмом восьмистрочная миниатюра «Нас гордости учили»:

*Нас гордости учили с детских лет,
Сегодня говорят: смири гордыню.
Прямохождению преданный скелет
В согбенной позе с непривычки
стынет.
И неуютно грешному ему
У ног искать потерянную правду.*

*Вновь дерзким взглядом небо обниму,
Не следуя притворному обряду.*

Уже несколько десятилетий подряд Россию принуждают к публичному покаянию. В чём? Во-первых, в том, чего она никогда не совершала, во-вторых, в стойкой и выстраданной приверженности к нашему вековому национальному достоянию, созданному потом и кровью предков. По сути, «покаяние» сводится к полному отказу от национальной идентичности, да ещё в форме некоего «обряд». Поэтому слово «притворный» по отношению к нему фонетически воспринимается как «придворный» со всеми вытекающими отсюда аллюзиями. Некоторые стихи носят притчевый характер («Узелок — бельё в платочке...», «Подмена», «Вопрос ребром», «Раскинь, цыганка, на судьбу...»). Заложённая в них мораль не навязывается, а побуждает к размышлению; недаром в стихах М. Петровой довольно часто встречаются вопросы, обращённые, прежде всего, к читателю. И предназначение поэта она определила очень точно:

*Есть те, кто владеет секретом:
Беды не поправит тоской.
И страстно врачуют поэты
Звенящую тонко строкой.*

...Александр Пушкин когда-то сказал о стихотворениях Василия Жуковского: «И, внемля им, вздохнет о славе младость, // Утешится безмолвная печаль // И резвая задумается радость». Именно эти слова как-то сразу всплыли в памяти, когда я присел рядом с Маргаритой Петровой на лодочку луны.

Александр Бойников,

член Союза писателей России,

г. Тверь

P.S. В пятом разделе сборника опубликованы рассказы Маргариты Петровой, о которых следует поговорить более предметно, что и будет сделано автором этих строк позже — в рамках отдельной рецензии.

На службе Отечеству

Дворяне Баратынские Бельского уезда

В популярном фильме 60-х годов «Доживем до понедельника» есть любопытный эпизод. Просвещенный и обаятельный преподаватель истории, пребывая в элегическом настроении, задумчиво цитирует стихи: Не властны мы в самих себе И, в молодые наши леты, Даем поспешные обеты, Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

Оказавшаяся поблизости учительница литературы вопрошает: «Кто это?» – на что следует лукавое предложение: «Угадайте!». Дама, конечно, несет совершенный вздор («Некрасов?...»). Узнав от слегка ошарашенного собеседника, что подлинный автор – Баратынский, она обиженно парирует: «Ну, нельзя же всех второстепенных помнить...» Далее следует стремительный диалог. Историк: «А его давно уже перевели...»

Литераторша (озадаченно): «Куда?» Историк (с легким сарказмом): «В первостепенные...».

Несомненно, все слышали о поэте Евгении Баратынском, но немногие, полагая, знают о связи его имени со смоленским краем. Чтобы было понятно, каким образом, начну с истории.

Родословная Баратынских ведет отсчет с Дмитрия Божедара – венгерского полководца, которому за воинские заслуги король пожаловал фамильный герб и землю (ныне это с. Боратынь Бродовского

р-на Львовской обл.). На ней был построен замок, названный Боратын (Божья оборона), и дети Божедара стали называться поэтому Боратынскими. Было это в XIV веке.

Седьмой потомок Дмитрия Божедара – Ян был первым из этого рода, кто в 1660 гг. перешел на службу к русскому царю Алексею Михайловичу. За добросовестную службу Иван Петрович Баратынский получил обширное имение Голощапово – в 150-ти верстах к северу от Смоленска возле крепости Белой на речке Обше. К XVIII – началу XIX вв. Баратынским стало тесно в Голощапове, и они купили новые земли. Так в окрестностях города Белого образовалось целое «гнездо» Баратынских: Голощапово, Подвойское, Шавырдино.

Большинство мужчин из их рода, за редким исключением, были военными, служили государям русским верой и правдой. Тем радостнее осознавать, что они – наши земляки, родина их – бельская земля.

Дед поэта **Андрей Васильевич Баратынский** начал службу рядовым в полку смоленской шляхты в 1753 году. Спустя двенадцать лет вышел в отставку поручиком и вернулся в Голощапово, поступил на гражданскую службу, получил чин титулярного советника, был заседателем в уездном суде. Спустя год после выхода в отставку, тайно обвенчался с дочерью помещика соседнего села – Подвойское – Авдотьей Матвеевны Яцыниной (Яцыной). Отец невесты – Матвей Михайлович – категорически отказал сватавшемуся Андрею Васильевичу.

После смерти тестя Подвойское перешло во владение Баратынских в качестве наследства жены. Жил он почти безвыездно в своих бельских владениях, только два или три раза выезжал в Петербург. Являлся Андрей Васильевич весьма уважаемым лицом в уезде – в 1797-1800 гг. избирался Бельским уездным предводителем дворянства. Отчасти своим положением в обществе он был обязан сыновьям – Илье, Богдану, Петру и Абраму, которые в трудную эпоху взбалмошного императора Павла сумели дослужиться до генеральских и адмиральских чинов.

Илья Андреевич Баратынский (1773 или 1774-1837 гг.) в возрасте двенадцати лет поступив в Морской корпус, спустя три года был произведен в гардемарины. Участник русско-шведской войны 1788-1790 гг. Крейсируя с флотом в Балтийском море, участвовал в Гогландском сражении, битве при Эланде, Красной Горке и Выборге. Затем служил волонтером в английском флоте, участвовал в сражении при мысе Сан-Винсет, за что и по рекомендации лорда Джервиса был произведен в чин капитан-лейтенанта. Вернувшись в Россию, был пожалован в флигель-адъютанты, командовал сначала кораблем «Пармен», затем, «Ярославль». В 1800 году, перейдя с эскадрой в великобританский Портсмут, Илья Андреевич принял на корабль русские (продолжение на стр. 13).

(начало на стр. 12).

десантные войска и возвратился с ними в Россию, за что был произведен в капитаны I ранга и награжден орденом св. Иоанна Иерусалимского, нередко называемого Мальтийским. Во времена правления Павла I этот орден считался самой значительной наградой из всех наград.

Затем последовало участие в русско-турецкой войне 1806-1812 гг. – Дарданелльское морское сражение, сражение у Афонской горы, взятие крепости Тенедос. Произведенный за компанию в 1807 году в капитан-камандоры, И.А. Баратынский, получив чин контр-адмирала, 31 декабря 1813 года вышел в отставку. Жил сначала в одном из имений рядом с Голощаповым, предположительно, в с. Шавырдине Бельского уезда, затем в Москве. Был женат на Софье Ивановне Барышниковой, имел шестерых детей. Умер в феврале 1837 года, похоронен на кладбище Спасо-Андроньева монастыря.

Богдан Андреевич Баратынский (1769 или 1770-1820 гг.) в одно время с братом Ильей вступил в Морской корпус (в 15 лет), был тоже произведен в гардемарины и отправился в плавание по Балтийскому морю. Во время русско-шведской войны участвовал в тех же сражениях, что и брат, только на другом корабле – «Св. Иоанн Богослов». За отличие в Выборгском сражении получил чин лей-

тенанта и очень быстро пошел по службе: капитан-лейтенант в 1793 году, а спустя пять лет уже был произведен в вице-адмиралы, заняв должность командира эскадры сначала в Балтийском, а затем в Архангельском флоте. Вместе с эскадрой вице-адмирала Макарова и под его начальством крейсировал в водах Немецкого моря. Так же, как и Илья, был награжден орденом св. Иоанна Иерусалимского. После смерти Павла I карьера Богдана Андреевича прервалась. В 1805 г. он вышел в отставку и жил в с. Подвойском Бельского уезда. Женат не был. Похоронен на кладбище Спасо-Андроньева монастыря в Москве.

Петр Андреевич Баратынский (1768 или 1769-1845), второй по старшинству и самый успешный из братьев. Военную службу начал в тринадцать лет подпрапорщиком в лейб-гвардии Преображенском полку, спустя четыре года был переведен в Семеновский полк, в составе которого участвовал в русско-шведской войне. Дальнейшую службу проходил в Морском кадетском корпусе, почти ежегодно принимая участие в морских компаниях, преимущественно в Балтийском море. Под командой брата Б.А. Баратынского совершил компанию на фрегате «Эммануил». В 1798 году управлял катером великих княгинь и получил от государя бриллиантовый перстень, а от великих княгинь табакерку, а также очередное

звание – полковника. В 1801-м произведен в генерал-майоры и оставлен при Морском корпусе.

Во время войны 1812 года. Петр Андреевич вместе со всем корпусом, состоявшим под его начальством, и с корабельным училищем был отправлен на кораблях в Свеаберг (крепость на юге Финляндии). В 1821 году произведен в генерал-лейтенанты и назначен присутствовать в Сенат. За заслуги перед Отечеством имел огромное количество наград, в т.ч. знак отличия за 35 лет беспорочной службы, а в 1841 году пожалован в действительные тайные советники. Именно П.А. Баратынский построил в Голощапове два храма: в честь Казанской Божьей Матери и в честь Преподобной мученицы Евдокии (последний храм – в память о матери). Не только построил, но и позаботился об их содержании после своей смерти. Женат не был. На службе оставался до скончания своей жизни. Петр Баратынский похоронен в Спасо-Андрониковом монастыре в Москве.

После неудачной попытки Андрея Васильевича определить старшего сына в Петербургский Сухопутный полк (1773 г.) **Абрам Баратынский** (1767 или 1768 – 1810 гг.) был записан в 1775 году в лейб-гвардии Преображенский (окончание на стр. 14).

(начало на стр. 12).

полк. В 1790 году, благодаря протекции родственницы Е.И. Нелидовой, был зачислен в военную команду князя Павла Петровича. Продвигался по службе весьма быстро. Почти ежегодно получая новые звания. Так, в 1797 году тридцатилетний Абрам был уже генерал-майором с назначением генерал-адъютантом. В это же время Абраму и его брату Богдану император подарил имение Вяжлю (Мары) в 2000 душ в Кирсановском уезде Тамбовской губернии.

А через год Абрам Баратынский женится на фрейлине императрицы Александрины Черепановой, которая была подругой его сестры Марии и воспитывалась вместе с ней в Смольном. В начале сентября этого же 1798 года он увольняется в отставку и спустя три недели вместе с молодой женой отправляется в Голощапово. Зимой 1798-1799 гг. он не ужился с отцом и из-за каких-то неведомых нам семейных распрей уехал в подаренное Павлом тамбовское имение, прекратив на 2-3 года переписку с отцом.

19 февраля 1800 года у молодых супругов родился первенец – сын Евгений, будущий поэт. Если бы не ссора, Абрам с Александринной продолжали бы жить в Голощапове, и местом рождения Е. Баратынского мог стать Бельский уезд. После Евгения Александрина Федоровна подарила мужу еще семерых детей. Самая младшая – Варвара – впоследствии вышла замуж за Александра Антоновича Рачинского, своего троюродного брата. Один из семерых их детей, Сергей Александрович Рачинский, стал известным педагогом и просветителем.

Абрам Андреевич избирался на тамбовщине губернским предводителем дворянства, заботился о распространении просвещения и поддержании училищ в крае, по

мере возможности боролся с казнокрадством и взяточничеством. В 1809 году. Боратынские переезжают в Москву. Московская жизнь их закончилась печально – через год А.А.Баратынский скоропостижно умирает, а все тяготы легли на плечи его жены, оставшейся с семьей маленькими детьми.

Что касается **Евгения Баратынского**, с пребыванием его на бельской земле связан самый тяжелый, но способствовавший духовному созреванию период жизни будущего поэта. После исключения из Пажеского корпуса по личному повелению царя за неблаговидный проступок – кражу денег и табакерки, дядя Богдан Андреевич увез племянника в Подвойское – «столицу» бельских владений Баратынских. В сущности, жизнь здесь стала для юного Евгения последней внутренней подготовкой к поэтическому поприщу. Здесь он впервые познакомился с творчеством А.С. Пушкина, сам написал первое, пусть и неуклюжее, стихотворение в честь именин дядюшки.

Именно здесь испытал первую юношескую любовь к кузине Вареньке Кучиной. Здесь познакомился с бельским помещиком А. Шляхтинским, который двумя годами позже в Петербурге встретит Е. Баратынского в круг пушкинских друзей, познакомит с Дельвигом и Кюхельбекером. А Вареньке посвятит одно из лучших своих стихотворений «Разуверение». Михаил Глинка напишет на эти стихи романс, который станет любимым для многих замечательных певцов и певиц, в том числе и для Надежды Обуховой, внучатой племянницы Е.А. Баратынского.

Представители рода Баратынских оставили заметный след не только в истории Бельского края, но и всей России.

Татьяна Чистякова,

г. Белый

• Письмоносец

Поставьте памятник Дмитрию Анучину

В редакцию «Двинского бережка» обращаюсь по поводу памятников в нашем Андреаполе. Вы уже поднимали эту тему, но какой точно результат я пока не знаю. Что думает андреапольская власть по этому поводу? Какие у нее намерения? В нашем городе многое сделано в последние годы по благоустройству, асфальтируются улицы, приводятся в порядок тротуары. Но, действительно, нет приличных памятников, за исключением памятника у Кушелевского моста в честь 500-летия Андреаполя. Правда, его при всем желании трудно отнести к шедеврам.

По-моему, очень правильное было предложение на страницах «Двинского бережка» насчет установки памятника первооткрывателю истока Западной Двины академику, выдающемуся географу Дмитрию Николаевичу Анучину. Присоединяю свой голос к тем, кто выступает за это. Надо спешить, а то пеновцы ухватятся за идею и нас опередят. На мой взгляд, можно было бы установить памятник в центре предназначенного для отдыха горожан благоустроенного участка на берегу Западной Двины. Более подходящего места в Андреаполе подыскать трудно. При этом я бы убрал совершенную безвкусицу с изображением названия города, сердца и буквы «Я». Такие примитивные штамповки делаются сейчас повсеместно.

Примером патриотического подхода к решению вопроса по установке памятников мог бы послужить опыт Калязинского района, где всем миром собрали средства на памятники М.В. Скопину-Шуйскому и преподобному Макарию Калязинскому. Помогли и состоятельные спонсоры. Выигравший конкурс, большой профессионал, известный тверской скульптор Евгений Антонов достойно выполнил работу, изваяв подлинные произведения искусства.

П. Иванов,

г. Андреаполь

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Мария Парамонова

Мария Николаевна Парамонова родилась в Твери 20 июля 1971 года. Окончила Тверской Государственный Университет, экономист. В 2008 г. переехала в Смоленск, а в 2014 году вернулась в Тверь, где окончила аспирантуру МГУТУ имени К.Г. Разумовского. Преподаёт в тверском филиале МГУТУ экономические дисциплины. Является автором четырёх поэтических сборников: «Галерея грёз», «Млечный путь», «Марьин скит» и «Лучезарные стихи». Лауреат литературных конкурсов различного уровня, от областного до международного. Член Союза писателей России (заместитель председателя правления Смоленской областной организации Союза писателей России) и областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья».

* * *

*«Облетев Землю на корабле-спутнике,
я увидел, как прекрасна наша планета.
Люди, будем хранить и приумножать
эту красоту, а не разрушать её!»*

Ю.А.Гагарин

Земля ранима и прекрасна!
Скажите детям разных стран,

Чтоб, этой истине согласно,
Земля оправилась от ран.

Чтоб не взрывались самолёты,
Не гибли беженцы в пути,
Чтоб от священных переплётов
Огонь воинственный утих.

Возможно ль, что Земли
ландшафты
Повергнет в хаос разум наш,
И перед взором космонавта
Предстанет гибельный пейзаж:

Пылает гневом Бетельгейзе
И нервно-бледен Альтаир,
Взрывается, в кипящей бездне,
Не заслуживший мира мир...

* * *

Струится нежность из груди
Душистым тёплым молоком,
И жизнь простерта впереди
Бескрайним маминым платком.

Еще пунктирны все пути,
Ладосек иероглиф прост,
А соня маленький, пыхтит
И деловито морщит нос.

Прикрыт ресницами зрачок.
Округлость мягкая тепла,
Причмокивает язычок,
Чтоб влага белая текла.

Потянет губками сосок,
И пьёт стремительным глотком
Новорожденной жизни сок -
Любимой мамы молоко.

Владимир Юринов

Родился 12 мая 1963 года в семье офицера Советской армии, в детстве жил в разных городах, а школу закончил в белорусском Гомеле. Затем поступил в Черниговское училище лётчиков. Служил на Дальнем Востоке, в Амурской области, в Германии, в Андреаполе, в Курске. В 2005 году вышел на пенсию. Проживает в г. Андреаполь Тверской области.

Поэт и автор-исполнитель, член областной творческой ассоциации «Содру-

жество литераторов Верхневолжья». Автор поэтических сборников: «Открытое окно», «Асимметричный ответ», «Дело мастера», «До родниковой чистоты», «Попытка поэзии», двух книг прозы: «Дверца в стене», «На картах не значится». В 2020 году стал лауреатом международного литературного конкурса «Большой финал» и международного конкурса на соискание премии им. А. Куприна.

ИЮЛЬ 41-ГО

На заприуде мальчишки, как прежде,
таскают лещей,
и нестрашными кажутся краткие
летние грозы.
Но уже изменился привычный
порядок вещей.
И в бессонье ночей всё тревожней
кричат паровозы.
И ещё продаётся с тележек с

сиропом вода,
но у сквера давно не видать старой
немки с весами.
И меж чёрных столбов всё гудят,
всё гудят провода
и под тяжестью сводок до самой
земли провисают.

И безмолвные толпы глядят
репродукторам в пасть,
словно судьбы свои разглядеть в
этих пастьях пытаюсь.
Ну а в школе напротив уже
развернули санчасть,
и карболковый дух по утрам над
домами витает.
Кумачовые лозунги всё ещё в небо
летят,
но уже копошатся в груди
непростые вопросы,
и, с медалькой за Финскую, злой
одноногий Митяй
на скамейке всё чаще с погасшей
сидит папирсой.
Как ещё непривычны сирены тупые
ножи!
И поля ещё не заросли бурьяном и
погостьем...

И на «до» и на «после» ещё не
поделена жизнь,
где почти невозможна дорога к
далёкому «после».

Золотой запас

**Иеромонах Роман
(Александр Матюшин)**

(Род. в 1954 г.)

* * *

Не разрывайте Истину на мнения.
Вы скажете: отчасти правы все?
Но это полнолуние осеннее
Не отразить мерцающей росе.

Ах, это отражение отчасти,
Мерцанье, не колеблющее тьму.
Отчасти кем-то познанное счастье
Не даст Блаженства в Вечности

Святая Вечность –
Богооткровенье...
Безвременность, Бескрайность,
Полнота.

Мы и тебя меняем на мгновенье,
На жизнь, на миг летящего листа.

Как жаждет изнывающий от
солнца
Водою освежиться за труды!
Но брызгам долгожданного
колодца
Не заменить колодезной воды.

Нет ничего на свете окаянной
Неполной правды – в ней всегда
обман,

А капля оживает в океане
И гибнет, оставляя океан.

О, неделимость Истины
Превечной,
Премудрость и Препростость

Почто дробит тебя дух человеческий
Безумством человеческого «я»?

Любое отражение – искажение,
Любое осуждение – не суд...
Не разрывайте Истину на мнения,
Взгляните на дрожащую росу.

Алексей Фатьянов

(1919-1959)

СВЯТОЕ СЛОВО

Горела рожь. Пожары закрывали
Сиянье бледных, ослеплённых
звёзд.

Мы в эту ночь врага назад
прогнали
На двадцать кровью орошённых
вёрст.

Не знаю, на каком наречье
Мне рассказать, чтоб видно было
всем

Разрушенный мой край.
Обугленные печи.
Труп девушки на скошенном овсе.

От крови чёрным стал платок
лиловый.
Рождённая, чтоб расцветать и
цвести,

Она в губах остывших сохранила
слово.

Мы поняли, что это слово – мечь.
И мы прочли в застывшем этом
слове

Призыв святой поруганной любви.
И было это жуткое безмолвье
Страшнее клятвы, данной на
крови.

Мы дальше шли. И с каждым
нашим шагом

Назад откатывался лютый,
злобный враг.
Заря над полем нам казалась
флагом.
Рассвет за нами нёс победы нашей
флаг.
Мы в эти дни врага нещадно били.
О наших подвигах летела песней
весть.

Мы в эти дни в сердцах
благословили
Одно-единственное слово – мечь.

Валентин Сорокин

(Род. в 1936 г.)

ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ

Много я видел живых мертвецов:
Руки их – крюки и рот – на засов.

Жизнь их – сплошная мышиная
робость,
Мысль их – гнетущая мир
низколобость.

Даже их кресло и даже их
важность –
Ежеминутная
гибкость-продажность.

Мир их – бессонная зависть,
страданье,
Вытерпеть – вечный удел и
старанье.

И уцелеть, и отпробовать крохи
С пышных столов толстобрюхой
эпохи.